

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

Научная статья

УДК 342.95

Административно-правовая квалификация оборота «аудионаркотиков»

Анисифорова Марьям Владимировна

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия,

maribuchneva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2398-0422>

Аннотация. В статье на основе анализа научной литературы и законодательства об административной ответственности обсуждены проблемы правовой квалификации случаев оборота в интернет-пространстве цифровых наркотиков. Сделаны выводы о необходимости совершенствования в этой области административно-юрисдикционной деятельности и их квалификации по ч. 1.1 ст. 6.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в качестве пропаганды наркотиков, совершенной с использованием сети Интернет.

Ключевые слова: аудионаркотик, цифровые наркотики, пропаганда наркотиков в интернет-сети, административная ответственность

Для цитирования: Анисифорова М. В. Административно-правовая квалификация оборота «аудионаркотиков» // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 33–38.

Original article

Administrative and legal qualification of the turnover of «audiodrugs»

Anisiforova Maryam V.

National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia,

maribuchneva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2398-0422>

Abstract. Based on the analysis of scientific literature and legislation on administrative responsibility, the article discusses the problems of legal qualification of cases of trafficking in digital drugs in the Internet space. Conclusions are drawn about the need to qualify them according to Part 1.1 of Article 6.13 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation as drug propaganda committed using the Internet, as well as to improve administrative and jurisdictional activities in this area.

Keywords: audiodrug, digital drugs, drug propaganda on the Internet, administrative responsibility

For citation: Anisiforova M. V. Administrative and legal qualification of the turnover of «audio drugs» // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 2. P. 33–38.

Постулируемый новый цифровой формат всех сфер человеческой жизни [1, с. 4] привел к еще одной проблеме антинаркотической безопасности – аудионаркотикам. Причем разнообразие материала, предоставленного в интернет-пространстве, относительно этого вопроса, а также сама его постановка не просто не оставляют равнодушным, но и требуют того, чтобы в нем разобраться. Так, при вводе в поисковике любого из доступных браузеров сети Интернет запроса «аудионаркотик» или «цифровой наркотик», в нем обнаружатся сведения «энциклопедического» плана (разъясняющие, что это такое) и всевозможные аудиодорожки, а также видеоматериалы с людьми, осуществляющими «экспериментальное» прослушивание таких музыкальных файлов.

Что существенно, все это не исключительные интернет-страницы, обнаруживаемые только при определенных вариантах доступа к интернет-сети, а обычные картинки виртуальной реальности, которые становятся доступными каждому при условии наличия доступа к интернету.

Особенно опасен феномен «оборота аудионаркотиков» в условиях «цифровой уязвимости» современного человека. В исследованиях по вопросам мотивации, морального выбора личности в основном все проблемы основываются на безграничности ценностного человеческого диапазона, формируемого за счет усваиваемой на протяжении всей жизни информации. При этом ценности, лежащие в основе взглядов и поступков, могут приводить в крайних случаях одних к совершению героических актов, а других – наталкивать на противозаконные поступки. Поэтому, чтобы избежать последних, работа должна изначально лежать в плоскости мотивационной, а потом уже эмоциональной сферы деятельности человека. Новый вид «осознанности» человека, формируемый под цифровым фактором, то есть взаимообусловленности информационных технологий и личности, влияет и на его физиологию, и на психику. Делая выбор в пользу виртуального времяпрепровождения (не только онлайн-общения), происходят «уход», изоляция от социума и реальной жизни. Многие ученые даже сравнивают – и нельзя сказать, что безосновательно – цифровой эффект, то есть воздействие, оказываемое интернет-сетями на человека, с формой наркозависимости. Например, Н. Кардарас пишет о том, что экран гаджета способен стимулировать мозг подобно кокаину, приводя к тревоге, агрессии, депрессиям и даже психозу [2, с. 112]. Цифровой характер наркомании подтверждает и психиатр Я. Кальбитцер, указывая на то, что цифровая сфера имеет психофизиологическую основу, а технические средства с доступом в интернет-сеть действуют на людей подобно «цифровым наркотикам» [3, с. 126].

Серьезность этой ситуации подкрепляется различного рода исследованиями, включая социологические и медицинские. Так, по заключению А. С. Максимова и Л. М. Мануйловой, которые осуществили выборочное исследование проблемы на базе двух

общеобразовательных школ среди 76 учащихся на предмет выявления уровня их тревожности и агрессии в связи с «интернет-аддикцией», было установлено, что при нахождении без компьютера и гаджетов у большинства из них возникает скука, подавленность, депрессия, они ощущают дискомфорт от реальной жизни [4, с. 95–97]. В другом современном наблюдении, уже касающемся потребления «медиаконтента» взрослыми интернет-пользователями, сообщается, что доступ к «интернету домашних хозяйств» в России в 2018 г. составлял 77 %, а вне дома – 65 %, при этом, несмотря на то, что российские граждане занимают 15-е место в мире по времени, которое они проводят в интернете, их цифровые компетенции мало развиты. Данное обстоятельство, по сути, свидетельствует об избыточном и непродуктивном проваждении времени в киберпространстве [5, с. 382–387].

И это только малая часть исследований в сфере «цифровизации общественного сознания», причем многие из них проводятся в контексте проблем криминализации человеческих поступков [6, с. 38–39] и сопряжены с выводами об отрицательном влиянии «цифры» на поведение.

Навязчивое желание чрезмерно использовать цифровой устройства не является придуманной проблемой, и потому интернет-среда представляет собой наиболее уязвимое место, в котором человек, даже с «нейтральными стимулами», может в условиях определенного информационного воздействия совершать импульсивные, идущие в разрез с устоявшимися социальными правилами и ценностями, действия. Понимание этих процессов требует знаний качественного содержания мотивационной системы, то есть области желаемого человеком и желательного для него. Это не означает, что существуют какие-либо универсальные механизмы изменения поведенческих аспектов пользователей интернет-сети, но, определенно, можно говорить о предпосылках к изменению характеристик мотивационной составляющей путем влияния на мотивацию человека. При этом в отсутствие таких контрдействий возникает еще один риск, который как нельзя лучше описал советский педагог А. С. Макаренко. По его словам, с которыми следует согласиться, постоянное апеллирование к сознательности людей было бы для них убыточным, а следующим этапом является переход сознательного в опыт, привычки, традиции [7, с. 411]. Но что же будет, если в автоматический характер действий будут преобразованы плохие привычки и плохой опыт?

Сознание человека – своего рода «паноптикум», о котором можно судить благодаря его выбору и действиям в области жизненного пространства, как реального, так и виртуального. Одно и то же действие, совершенное в реальной жизни и виртуальной жизни (например, предложение о покупке наркотика, нанесенное на уличное здание, или размещенное на интернет-странице), требует одинаковой реакции и коррекции. Или даже во втором случае – более активных мер правового и организационного противо-

действия, поскольку выбор таких форм незаконных действий является демонстрацией склонности их «автора» к уходу от ответственности, сокрытию противоправных фактов и обстоятельств.

На сегодняшний день информационную «оболочку» получили многие известные десятилетиями правонарушения, к которым добавилось слово «кибер», – это сексуальные домогательства, или «киберсталкинг» (то же самое в киберпространстве); оскорбления, или «кибермоббинг» (оскорбления в цифровой среде); хулиганство, или «кибербуллинг» (интернет-хулиганство), и т. д. Причем не обошел вопрос «оцифрования» и область незаконного оборота и потребления наркотиков, в которой появились новые способы осуществления правонарушений наркотической направленности, допустим, известна и квалифицируется по ч. 1.1 ст. 6.13 КоАП РФ наркопропаганда, совершаемая с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет. При этом согласно актуальной позиции Верховного Суда Российской Федерации по указанной части статьи предлагается квалифицировать случаи размещения в свободном публичном доступе в интернет-сети «фотографий, изображений, аудио- и видеопроизведений, пропагандирующих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, растения, содержащие наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, их части, содержащие наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо новые потенциально опасные психоактивные вещества» (далее – Обзор Верховного Суда РФ) [8]. То есть, чтобы произвести точную административно-правовую квалификацию, по-прежнему требуется обращение к содержанию понятия «пропаганда наркотиков», которое закреплено в ч. 1 ст. 46 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» и уточнено в Обзоре Верховного Суда РФ применительно к случаям использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Так, из положения, сформулированного высшей судебной инстанцией, следует, что под пропагандой с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет понимается деятельность, осуществляемая физическими или юридическими лицами в интернет-сети и направленная на распространение сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений, а также совершение иных действий в целях побуждения интереса у зрителя (читателя) к наркотическим средствам, психотропным веществам и их прекурсорам, способам их употребления и т. д.; формирование представления о факте потребления наркотиков для достижения состояния наркотического опьянения как допустимого, желательного.

Отсюда возникает закономерный вопрос: если привлечение информации о наркотиках в интернет-сети

стало уже обычным способом по формированию интереса и последующему приобретению наркотиков, то как же быть с иными формами действий, которые напрямую не содержат указаний на места и способы незаконного оборота и потребления запрещенных веществ, то есть не ведут к материальному противоправному результату?

Как раз таки одним из таких явлений следует рассматривать аудионаркотики. Если интернет сам по себе наркотик, тогда аудионаркотик – это вариант «наркотика в наркотике». Его кажущаяся «безопасность» привела к отсутствию какого-либо регулирования в этой сфере. Да, с одной стороны, аудионаркотики нельзя назвать наркотическими средствами или психотропными веществами ни с правовой, ни с медицинской точек зрения. Они не имеют «материально-сущностного» выражения (в их собственном качестве как химических веществ) и списочного статуса, предполагаемого базовым Федеральным законом «О наркотиках», не вызывают прямых разрушающих свойств для физического здоровья человека, не служат самостоятельным предметом административных правонарушений и преступлений наркотической направленности. Но, с другой стороны, если идти по пути характеристики симптоматической составляющей, будет ли прослушивание цифровых наркотиков иметь сходные признаки с теми, что возникают в результате наркопотребления? Являются ли аудионаркотики, как это заявляют их производители, альтернативой реальным наркотикам и способом отказа от их употребления? Можно ли здесь провести аналогию с электронными сигаретами (вред от которых, кстати, доказан)? Кажется, вопросов больше, чем ответов.

Надо отметить, что выбранная модель в виде звукового файла не случайна. Многими исследованиями доказано стимулирующее воздействие музыки, при том что «слуховая чувствительность у разных людей допускает значительные индивидуальные вариации»: одни способны различать звуки выше 20 000 Гц и ниже 16–20 Гц, в то время как оптимальный диапазон располагается в пределах от 200–300 Гц до 5 000–10 000 Гц [9, с. 92]. Музыка как «специфическая форма репрезентации общественного бытия индивида (прежде всего, его эмоционально-ценностной сферы) порождает в слушателе особую систему значимости, субъективного отношения» [9, с. 90]. Если изучить молодежные форумы в интернет-сети с отзывами людей, прослушавших такие звуковые файлы [10], можно прийти к общему мнению о том, что при их прослушивании не всегда возникает «наркотический эффект», что зависит от реакции бинауральных ритмов [11] конкретного человека, причем чаще всего эти процессы сопровождаются головной болью или головокружением.

Выходит, что аудионаркотики – это не что иное, как бинауральные волны, по-разному влияющие на состояние человека и в том числе способные изменить его сознание при определенных, естественных условиях. То есть одно дело – слышать, и совсем дру-

гое – ощущать на себе эффект. При этом бинауральный эффект получил известность гораздо раньше аудионаркотиков, его открытие связывается с 1839 г. и ознаменовано именем немецкого физика Генриха Вильгельма Дове, который изобрел систему индукционного баланса и посвятил часть своих научных исследований вопросам звуковых волн (суть метода в том, что на разные уши подаются отличные по частоте звуки, а мозг воспринимает разницу этих сигналов как биение низкой частоты [12, с. 82]). А об аудионаркотиках заговорили в 2000 г., спустя более полутора века. Не углубляясь в исследования по нейрофизиологии и психологии и учитывая, что на уровне доказательной медицины исследований пагубного влияния аудионаркотиков не проведено, точно можно сказать, что это явление нельзя мистифицировать и придавать ему качества наркотического свойства. Это то же самое, что говорить: «Мой наркотик – тяжелая атлетика, поэзия или вкусная еда».

Интересно и важно здесь другое, почему «аудионаркотика», являющиеся, по сути, «плацебо», но одновременно служащие для кого-то способом ухода от реальности, так называются. Корень проблемы заключается в самом вопросе и ответе на него, поскольку для того, чтобы этот звуковой «товар» сделать интереснее, привлекательнее для человека используется понятие «наркотик», вызывающее соответствующие ассоциации аддиктивного свойства. Наверное, по этой причине и допускается мысль о возможности развития психологической зависимости, если рассматриваемый бинауральный эффект является желаемым для слушателя. Можно предположить, что звуковые файлы способны вызвать так называемые «психосоматические расстройства»: допустим, звук может сформировать чувство тревоги у человека, способствовать депрессии или возникновению сниженного настроения, что в конечном итоге влияет на его физическое здоровье. Но, если в случае с реальными наркотиками все предельно ясно и даже единственный случай их употребления вызывает тяжелые последствия для организма человека и его психики (вплоть до смерти), то аудионаркотика – это лишь иллюзия причастности к чему-то запрещенному, новым ощущениям; интерес к этому способу знакомства с «наркоиндустрией» изначально лежит в плоскости удовлетворения социальной человеческой потребности – природного любопытства.

Нам представляется, что в данном случае эффект звукового ряда усиливается ожиданиями того «смысла», что вложен в название пробуемого продукта. В результате такого общего воздействия на мозг и звука, и смысла (а это, по сути, языковое манипулирование) произвольно формируется интерес к реальным наркотикам, а в случае возникновения положительных ощущений от музыки – желание их попробовать в жизни. Как справедливо пишет Ю. В. Попов, аудионаркотик – это то, что может предшествовать употреблению реального наркотика. Конечно, нельзя здесь говорить о ничтожности внутренних психических

процессов, но они точно деформируются под условиями, предлагаемыми человеку окружающим миром.

И потому роль исследуемой виртуальной угрозы в контексте обеспечения антинаркотической безопасности очень велика, а случаи «информационного оборота» аудионаркотиков требуют соответствующей правовой квалификации. По известным причинам аудионаркотик не может расцениваться в качестве самостоятельного предмета административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.8, 6.9 КоАП РФ или ст. 228, 228.1 и др. Уголовного кодекса Российской Федерации [13]. Но, исходя из целей распространения таких звуковых файлов в цифровом пространстве, используемых психологических методов мотивирования к тому, чтобы человек в будущем попробовал реальный наркотик, становятся очевидными злоумышленные намерения разработчиков этого информационного продукта.

Отсутствие в законодательстве расшифровки понятия «цифровой наркотик» или «аудионаркотик» не означает отсутствие правовых оснований для противодействия этому явлению. При этом надо сказать, что попытки дать определение аудионаркотикам носят единичный характер и все они лежат в теоретико-исследовательской плоскости. Так, О. Р. Лапина предлагает не просто добавить определение цифровых наркотиков, но и внести поправки в п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, предусмотрев уголовную ответственность за распространение данного вида наркотика с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей при условии, что его распространение повлекло за собой вовлечение лица в потребление или участие в сбыте наркотических средств и психотропных веществ [14, с. 106–107].

Этот подход не кажется оправданным, поскольку, идя таким путем, следует опираться на прямой, доказанный вред от аудионаркотика как реального нового вида вещества с психоактивным свойством. Что, как мы уже выяснили, безосновательно. Вместе с тем несправедливо было бы в этой ситуации и затенять существующую проблему. На этом этапе, когда еще нет научных доказательных медицинских выводов, более плодотворной является позиция о квалификации случаев распространения аудионаркотиков как нового вида пропаганды наркотических средств, осуществляемого с использованием интернет-сети, для которого достаточным будет упоминание о них в позитивном контексте (по ч. 1.1 ст. 6.13 КоАП РФ). Для этих целей важно соответствующим образом пересмотреть содержание самого понятия «пропаганда наркотиков», включив в него совершение любых умышленных действий по распространению любым публичным способом информации о наркотиках, в том числе положительное упоминание о них.

Следует сказать, что в таких деяниях прослеживаются все элементы состава этого административного правонарушения. Его объектом являются общественные отношения в области противодействия незаконному обороту наркотиков для целей охраны здоро-

вья граждан, а объективная сторона заключается в умышленном распространении в цифровой среде звуковой информации, создающей желаемый эффект ухода от реальности и воспринимаемой в качестве «наркотического» продукта (имеющей с ним прямую ассоциацию). Субъект здесь – это разработчик, распространитель (иногда – в разных лицах) соответствующего звукового ряда, ведь надо понимать, что за каждым роботом стоит человек и за аудиофайлом стоит конкретный человек, а, если выражаться языком компьютерных технологий, скорее, IP-адрес, который может нам косвенно указывать на лицо, причастное к размещению такой информации в интернет-сети.

Таким образом, в контексте сегодняшних правовых и социальных реалий аудионаркотика следует рассматривать в качестве новой формы пропаганды наркотиков, поскольку это тот инструмент, что заставляет поверить интернет-пользователя в привлекательность наркотика, побудить в нем желание к его употреблению без уточнения конкретных способов и мест такого потребления или иных преимуществ этих незаконных действий. То есть это не отдельный вид цифровой зависимости, а первый шаг человека на пути к наркотикам, совершение которого ни в коем случае нельзя допускать.

Список источников

1. Анисифорова М. В., Машугина Е. В., Андреев М. В. Теория и практика применения электронных доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях: монография. М.: ИНФРА-М, 2020.

2. Карпова Е. Е. Теоретический анализ понятия «цифровая зависимость» в зарубежных исследованиях // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2017. № 4.

3. Кальбитцер Я. Цифровая паранойя. Оставайтесь онлайн, не теряя рассудка. Минск: Дискурс. 2018.

4. Максимов А. С., Мануйлов Л. М. Диагностика влияния рисков интернет-пространства при использовании школьниками старшего подросткового возраста гаджетов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2018. № 1 (31).

5. Горский Д. А. Медиагигиена и профилактика цифровой зависимости: основные проблемы и возможные направления решения // Корпоративные стратегические коммуникации: тренды в профессиональной деятельности: материалы Третьей Международной научно-практической конференции. Минск, 2020.

6. Ковган Е. Д. Цифровая зависимость как фактор преступного поведения подростка // Проблемы совершенствования российского законодательства: сборник тезисов Всероссийской (с международным участием) научной конференции курсантов, слушателей и студентов. Барнаул, 2021.

7. Макаренко А. С. Педагогические сочинения. Москва, 1951. Т. 5.

8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2021) [Электронный ресурс]: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Тарасов Г. С. Проблема духовной потребности (на материале музыкального восприятия). Академия наук СССР, Институт психологии: Наука, М., 1979.

10. URL: <https://forumnov.com/archive/index.php/t201408.html> (дата обращения: 06.09.2021).

11. URL: https://dic.academic.ru/dic_nsf/dic_fwords/52629/бинауральный (дата обращения: 06.09.2021).

12. Попов Ю. В. «Цифровые наркотики»: новая форма саморазрушающего поведения // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. 2009. № 4.

13. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 5 июня 1996 г.: введен. Федеральным законом от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Лапина О. Р. Цифровые наркотики: категория вне правового поля России // Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России: материалы XIII Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей. 2020.

References

1. Anisiforova M. V., Mashugina E. V., Andreyanov M. V. Theory and practice of using electronic evidence in administrative proceedings: monograph. M.: INFRA-M, 2020.

2. Karpova E. E. Theoretical analysis of the concept of "digital dependence" in foreign studies // Bulletin of the Leningrad State University. A. S. Pushkin. 2017. No. 4.

3. Kalbitzer J. Digital paranoia. Stay online without losing your mind. Minsk: Discourse. 2018.

4. Maksimov A. S., Manuilov L. M. Diagnosis of the influence of the risks of the Internet space when using gadgets by schoolchildren of older adolescence // Human Science: Humanities Research. 2018. No. 1 (31).

5. Gorsky D. A. Media hygiene and prevention of digital addiction: main problems and possible solutions // Corporate strategic communications: trends in professional activity: materials of the Third International scientific and practical conference. Minsk, 2020.

6. Kovgan E. D. Digital addiction as a factor in the criminal behavior of a teenager // Problems of improving Russian legislation: a collection of abstracts of the All-Russian (with international participation) scientific conference of cadets, listeners and students. Barnaul, 2021.

7. Makarenko A. S. Pedagogical essays. Moscow, 1951. T. 5.

8. Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2021) [Electronic resource]: approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on February 16, 2022. Access from the reference-legal system "ConsultantPlus".

9. Tarasov G. S. The problem of spiritual need (on the material of musical perception). Academy of Sciences of the USSR, Institute of Psychology: Nauka, M., 1979.

10. URL: <https://forumnov.com/archive/index.php/t201408.html> (date of access: 09/06/2021).

11. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/52629/binaural (date of access: 09/06/2021).

12. Popov Yu. V. "Digital drugs": a new form of self-destructive behavior // Review of psychiatry and medical psychology named after V. M. Bekhterev. 2009. No. 4.

13. The Criminal Code of the Russian Federation [Electronic resource]: adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation May 24, 1996: approved by the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation June 5, 1996: introduced. Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ. Access from the reference-legal system "ConsultantPlus".

14. Lapina O. R. Digital drugs: a category outside the legal field of Russia // Actual problems of legal, social and political development of Russia: materials of the XIII International scientific and practical conference of students, undergraduates, graduate students, applicants. 2020.

Библиографический список

1. Бучнева, М. В. К вопросу об административной ответственности за пропаганду наркотиков / М. В. Бучнева // Административное право и процесс. – 2016. – № 8.

2. Воронов, А. А. Об опыте работы по выявлению и пресечению правонарушений, связанных с пропагандой и незаконной рекламой наркотиков / А. А. Воронов // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2012. – № 1 (10).

3. Газизов, Д. А. Административная ответственность за пропаганду наркотических средств / Д. А. Газизов, Т. Г. Газизова // Право и практика. – 2013. – № 1.

4. Горский, Д. А. Медиагигиена и профилактика цифровой зависимости: основные проблемы и возможные направления решения / Д. А. Горский // Корпоративные стратегические коммуникации: тренды в профессиональной деятельности: материалы Третьей Международной научно-практической конференции. – Минск, 2020.

Bibliographic list

1. Buchneva, M. V. On the issue of administrative responsibility for drug propaganda / M. V. Buchneva // Administrative law and process. – 2016. – No. 8.

2. Voronov, A. A. On the experience of working to identify and suppress offenses related to propaganda and illegal advertising of drugs / A. A. Voronov // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of Russia. – 2012. – No. 1 (10).

3. Gazizov, D. A. Administrative responsibility for the promotion of narcotic drugs / D. A. Gazizov, T. G. Gazizova // Law and Practice. – 2013. – No. 1.

4. Gorsky, D. A. Media hygiene and prevention of digital addiction: main problems and possible solutions / D. A. Gorsky // Corporate strategic communications: trends in professional activity: materials of the Third International scientific and practical conference. – Minsk, 2020.

Информация об авторе

Анисифорова Марьям Владимировна – кандидат юридических наук

Information about the author

Anisiforova Maryam V. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 20.01.2022 одобрена после рецензирования 31.01.2022; принята к публикации 20.06.2022.

The article was submitted 20.01.2022; approved after reviewing 31.01.2022; accepted for publication 20.06.2022.